шать тѣ дурные поступки, которые требуются отъ нихъ въ присягѣ, какъ то: доносить на всѣхъ тѣхъ, которые будутъ нарушать интересы правительства, защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое правительство, или нападать на враговъ его. Ихъ призываютъ къ становымъ, исправникамъ, священникамъ, губернаторамъ, увѣщеваютъ, упрашиваютъ, угрожаютъ и наказываютъ, но они остаются при своемъ рѣшеніи и не присягаютъ. И среди милліоновъ присягавшихъ живутъ десятки не присягавшихъ. И ихъ спрашиваютъ:

— Какъ же вы не присягали?

— Такъ и не присягали.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Подданные государства обязаны всѣ платить подати. И всѣ платятъ, но одинъ человѣкъ въ Харьковѣ, другой въ Твери, третій въ Самарѣ отказываются платить подать, говоря всѣ, какъ бы сговорившись, одно и то же. Одинъ говоритъ, что онъ заплатитъ только тогда, когда ему скажутъ, на что пойдутъ отбираемыя отъ него деньги. Если на добрыя дѣла, говоритъ онъ, то онъ самъ дастъ и больше того, что отъ него требуютъ. Если же на злыя, то не дастъ добровольно ничего, потому что по закону Христа, которому онъ слѣдуетъ, онъ не можетъ содѣйствовать злымъ дѣламъ. То же, хотя и другими словами, говорятъ и другіе, и не даютъ добровольно подати. У тѣхъ, у которыхъ есть что взять, отбираютъ насильно имущество; тѣхъ же, у которыхъ нечего взять, оставляютъ въ покоѣ.

— Что же, такъ и не заплатилъ подать?

— Не заплатилъ.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Учреждены паспорты. Всѣ, отлучающіеся отъ мѣста жительства, обязаны брать ихъ и платить за это пошлины. Вдругъ въ разныхъ мѣстахъ являются люди, которые говорятъ, что брать паспорты не нужно, что не слѣдуетъ признавать свою зависимость отъ государства, живущаго насиліемъ, и люди эти не берутъ паспортовъ и не платятъ за нихъ пошлину. И опять ничѣмъ нельзя заставить этихъ людей исполнять требуемое. Ихъ запираютъ въ остроги и опять выпускаютъ, и люди живутъ безъ паспортовъ.

Всѣ крестьяне обязаны исполнять полицейскія должности сотскихъ, десятскихъ и г. п. Вдругъ въ Харьковѣ крестьянинъ отказывается исполнять эту обязанность, объясняя свой отказъ тѣмъ, что по тому христіанскому закону, который онъ исповѣдуетъ, онъ не можетъ никого связывать, запирать, водить изъ мѣста въ мѣсто. То же заявляетъ крестьянинъ въ Твери, въ Тамбовѣ. Крестьянъ ругаютъ, бьютъ, сажаютъ въ заключеніе, но они остаются при своемъ рѣшеніи и не исполняютъ противнаго своей вѣрѣ. И ихъ перестаютъ выбирать въ сотскіе и опять ничего.

Всѣ граждане должны участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. Вдругъ самые разнообразные люди: каретники, профессора, купцы, мужики, дворяне, какъ бы сговорившись, отказываются отъ этихъ обязанностей и не по причинамъ, признаваемымъ закономъ, а потому, что самый судъ, по ихъ убѣжденію, есть дѣло незаконное, нехристіанское, которое не должно существовать. Людей этихъ штрафуютъ, стараясь не дать имъ публично высказать мотивы отказа, и замѣняютъ другими. Точно также поступаютъ и съ тѣми, которые на тѣхъ же основаніяхъ отказываются быть на судѣ свидѣтелями. И тоже ничего.

Всѣ люди 21-го года обязаны брать жребій. Вдругъ одинъ молодой человѣкъ въ Москвѣ, другой въ Твери, третій въ Харьковѣ, четвертый въ Кіевѣ, какъ бы по предварительному уговору являются въ присутствіе и заявляютъ, что они ни присягать, ни служить не будутъ, потому что они христіане. Вотъ подробности одного изъ первыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ отказы эти стали учащаться, случаевъ, который мнѣ хорошо извѣстенъ. *) Во всѣхъ другихъ случаяхъ повторялось приблизительно то же. Молодой человѣкъ средняго образованія отказывается въ Московской думѣ. На слова его не обращаютъ вниманія и требуютъ, чтобы онъ такъ же, какъ и другіе, произнесъ слова присяги. Онъ отказывается, указывая на опредѣленное мѣсто Евангелія, запрещающее клятву. На его доводы не обращаютъ вниманія и требуютъ исполненія приказанія, но онъ не исполняетъ его. Тогда предполагается, что онъ сектантъ и потому неправильно понимаетъ христіанство, т. е. не такъ, какъ понимаютъ его оплачиваемые государствомъ священники. И молодого человѣка подъ конвоемъ отправляютъ къ священникамъ, чтобы вразумить его. Священники начинаютъ вразумлять молодого человѣка, но убѣжденія ихъ во имя Христа отказаться отъ Христа, очевидно, не дѣйствуютъ на молодого человѣка, и его возвращаютъ опять въ войско, объявляя его неисправимымъ. Молодой человѣкъ продолжаетъ не присягать и открыто отказывается отъ исполненія военныхъ обязанностей. Случай этотъ не предвиденъ закономъ. Допустить отказъ отъ исполненія требованій начальства — нельзя, но и приравнять этотъ случай простому неповиновенію — тоже нельзя. По совѣщанію между собой военныя власти рѣшаются, чтобы избавиться отъ затруднительнаго молодого человѣка, признать его революціонеромъ и отсылаютъ

*) Всѣ подробности какъ этого случая, такъ и предшествующихъ — подлинны.